

Геополитический поворот Европейского союза и Центральная Азия: постколониальный взгляд. Часть 2*

С. В. Мазаник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Мазаник С. В. Геополитический поворот Европейского союза и Центральная Азия: постколониальный взгляд. Часть 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 475–489.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.405>

Геополитический поворот Евросоюза приводит к пересмотру внешних действий блока, в том числе в отношении Центральной Азии (ЦА). Опираясь на постколониальный подход, рассматривающий колонизацию как ключевой структурирующий фактор современных международных отношений, и метод дискурс-анализа, данное исследование, состоящее из двух отдельных публикаций, проясняет, каким образом коннективность, ставшая приоритетом политики ЕС в ЦА в контексте геополитического поворота, влияет на структуру нормативной гегемонии ЕС в регионе и на нормативное агентство центральноазиатских государств. Подготавливая основу для постколониального анализа, первая часть данного исследования прослеживает процесс формирования иерархической нормативной структуры в опыте взаимодействия Евросоюза с государствами ЦА до начала геополитического поворота. С этой целью теоретизируются центральные для данного исследования модели нормативного влияния ЕС — нормативная сила Европы и стрессоустойчивость, затем анализируется, как Брюссель, перманентно позиционируя себя в качестве нормативного центра, изменял подход к распространению своих норм в ЦА, и наконец, демонстрируется функционирование нормативной гегемонии Евросоюза, т. е. ситуации, в которой ЕС признается акторами ЦА авторитетным источником нормального. Во второй части данного исследования вначале излагаются основные принципы постколониального подхода; далее с учетом принятой в постколониальных исследованиях диалогической модели дается объяснение, почему условный колонизированный способен не только подчиняться нормативным требованиям условного колонизатора, но и влиять на политику последнего; в заключительном же разделе статьи анализируется концепция коннективности ЕС и делается вывод о том, как государства ЦА могут усилить свое нормативное агентство по отношению к Брюсселю через участие в европейских проектах коннективности.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, постколониализм, нормативная сила, нормативная гегемония, коннективность, стрессоустойчивость, порядок, основанный на правилах, геополитический поворот.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

См. часть 1: Мазаник С. В. Геополитический поворот Европейского союза и Центральная Азия: постколониальный взгляд. Часть I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 276–290. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.303>

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

На фоне реформ европейской интеграции, проходящих в последние годы и укладываемых в логику геополитического поворота, роль Центральной Азии (ЦА) во внешних действиях Евросоюза претерпевает определенные изменения. Если ранее центральноазиатский регион оставался на периферии внешних действий ЕС [1], то на современном этапе ЦА воспринимается в Брюсселе в качестве ключевого звена европейской стратегии коннективности (связанности) [2]. Коннективность предполагает создание сети эксклюзивных партнерств со странами, мыслящими схожим с ЕС образом (*like-minded partners*, ПМСО), признающими ЕС авторитетным источником норм и готовыми реализовывать стандарты европейской коннективности, основанной на правилах [3]. Отсюда проистекает **цель данной статьи** — прояснить, какие возможности и ограничения для государств ЦА в области нормотворчества сулит норма Евросоюза о коннективности, вышедшая благодаря геополитическому повороту на передний план в политике ЕС в отношении центральноазиатского региона [4].

Западоцентричная структура современного либерального международного порядка (ЛМП) / порядка, основанного на правилах, позволяет ЕС как нормативному гегемону продвигать свои нормы, в том числе касающиеся коннективности, в государствах, воспринимаемых Брюсселем как незападные [5]. Это в полной мере относится и к ЦА. В части I данного исследования мы установили, что за годы отношений между Брюсселем и государствами ЦА сложилась особая евроцентричная структура нормативного взаимодействия, в рамках которой ЕС, стремившийся к нормативной гегемонии, постепенно стал восприниматься на официальном уровне во всех пяти центральноазиатских республиках как авторитетный источник норм. Однако, как показывают постколониальные исследования, даже в системе неравноправных отношений, воспроизводящих условно колониальную логику взаимодействия, субалтерн (условный колонизированный), занимая в нормативной структуре подчиненное положение, может быть агентом, т. е. обладает способностью — пусть и ограниченно — влиять на поведение гегемона (условного колонизатора), а не только в одностороннем порядке подчиняется его требованиям. Таким образом, опираясь теоретически на постколониальный подход, а методологически — на дискурс-анализ, мы проясним, как под влиянием геополитического поворота и политики коннективности меняется агентство (*agency*) государств ЦА (т. е. их способность к потенциальным действиям в области нормотворчества и оспаривания артикулируемых Брюсселем норм). Отметим, что в данном исследовании — и это является его ограничением — игнорируется страновая специфика, что проявляется как в анализе стратегий ЕС в отношении ЦА, артикулируемых европейским блоком коллективно (т. е. без учета предпочтений государств-членов), так и в выявлении проистекающих из геополитического поворота структурных возможностей для государств ЦА усилить свое нормативное агентство (т. е. без учета доступных каждому конкретному государству ЦА рычагов воздействия на ЕС в нормативном ключе).

В первом разделе настоящей статьи будут операционализированы для целей исследования основные принципы постколониального подхода; кроме того, будет дано объяснение терминологическому акценту данной работы на условности ЕС как колонизатора, который в прошлом не имел опыта колонизации ЦА, и государств ЦА как колонизированных, чей подчиненный статус сводится к зависимо-

сти от ЕС как нормативного гегемона. Во втором разделе мы с опорой на постколониальную литературу выясним, почему условный колонизированный (государства ЦА) способен не только подчиняться нормативным требованиям условного колонизатора (ЕС), но и влиять на политику последнего. Наконец, третий раздел предложит объяснение, как геополитический поворот и коннективность встраиваются в сложившийся паттерн нормативного взаимодействия ЕС и ЦА (его контуры были определены в части I данного исследования) и влияют на нормативное агентство центральноазиатских государств.

Постколониализм: основные принципы подхода

В термине «постколониализм» префикс «пост-» соотносится со всем периодом после начала колониализма европейских и — шире — западных держав [6, p. 1]. По этой причине постколониальные исследования, считающие колонизацию «ключевым механизмом, упорядочивающим современную систему государств» [7, p. 300], фокусируются на ситуациях сегодняшнего дня и деконструируют западоцентричность ЛМП, опирающуюся на «знания, исходящие из культуры имперскости, где вся система гуманизма отражает допущения и исключения» [8, p. 186]. Соответственно, в постколониальных исследованиях уделяется пристальное внимание именно системе знания, которая закрепляет в международных отношениях господствующее положение западных акторов (в частности, ЕС) и в которой незападные акторы не могут не обращаться к нормативным установкам, определяемым условными колонизаторами, и тем самым продолжают занимать подчиненное положение [9, p. 254].

Постколониальный ракурс в исследованиях международных отношений позволяет обнаруживать последствия западного колониализма/империализма во взаимоотношениях не только бывших метрополий и колоний (например, Англии и Индии), но и политических образований, которые в прошлом никогда не состояли в отношениях колониального господства и подчинения [10, p. 26, 348]. Так постколониальный подход неоднократно инструментализировался в анализе внешних действий Евросоюза, например, в работах о политике расширения ЕС в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) [11] или в исследованиях отношений Евросоюза с Россией, где политика Брюсселя как условного колонизатора во многом повторяет колониальную модель взаимодействия [12; 13]. Кроме того, постколониальный анализ международных отношений переосмысляет характерную для исследований колониализма дихотомию «колонизатор — колонизированный» как отношения гегемона и субалтерна. В отличие от колонизированного, который может осознать свою подчиненность колонизатору и начать антиколониальную борьбу с перспективой получения независимости, агентство субалтерна ограничено: он может говорить, только воспроизводя язык, нормативные категории и логику аргументации гегемона [14].

Данные особенности постколониального подхода в исследованиях современных западоцентричных международных отношений позволяют нам при анализе отношений ЕС и государств ЦА отказаться от классической для постколониальных исследований дихотомии «колонизатор — колонизированный» в пользу пары «условный колонизатор/гегемон» и «условный колонизированный/субалтерн». Именно в кон-

кредном опыте их взаимоотношений закрепляется такое положение дел, при котором происходит ежедневное стирание и обесценивание знаний и опыта условного колонизированного, а принятие знаний и опыта условного колонизатора позиционируется в качестве правильных и оправданных мер [7, р. 296–300]. Следовательно, как пишет Г. Спивак, «каждая постколониальность является помещенной [в конкретный контекст] и потому уникальной» [15, р. 528], а задачей постколониального исследования становится вскрытие «процессов, посредством которых определенные типы поведения начинают восприниматься в качестве “нормальных”» [7, р. 294].

Нормативное агентство субалтерна в постколониальных исследованиях

Поскольку взаимодействие условного колонизатора с условным колонизированным осмысляется в постколониализме как диалог («дорога с двусторонним движением» [16, р. 390] в терминах Г. Спивак), условный колонизированный способен не только подчиняться требованиям условного колонизатора, но и влиять на его поведение и политику. Нормативные установки гегемона не усваиваются субалтерном в полном объеме, но встраиваются в уже имеющиеся локальные системы знания [17], вследствие чего в локальном контексте формируются культурные гибриды [18]. После встречи локальной культуры с культурой гегемона локальное, стремясь сохраниться в новых условиях, пытается адаптироваться, мимикрируя под условного колонизатора. Однако мимикрия всегда двойственна: стремясь максимально приблизить субалтерна к гегемону, она тем не менее порождает «эффекты смещения, избыточности, различия», а ее итогом становится «почти полное, но неполное сходство» [19]. Не позволяя условным колонизированным стать точно такими же, как условный колонизатор, мимикрия оказывается практикой сопротивления колониализму [20]. Субалтерны, постепенно усваивая знания колонизатора, получают возможность самостоятельно их интерпретировать и начать выдвигать нормативные требования в адрес других субъектов, в том числе условного колонизатора. Это требует от него соразмерной реакции в зависимости от того, насколько сильно мимикрия субалтерна подрывает позиции гегемона. В случае формальной мимикрии, направленной на поверхностное подражание гегемону, последний склонен поощрять усилия субалтерна; если же условный колонизированный прибегает к субстантивной мимикрии и открыто бросает вызов гегемонии, условный колонизатор будет ограничивать потенциал нормотворчества субалтерна [21]. Так, в части I данного исследования мы увидели, что по мере формирования евроцентричной структуры взаимодействия ЕС и государств ЦА последние в своих нормативных отношениях с Брюсселем прибегали именно к формальной мимикрии, которая предполагала не отбор и точечное копирование лишь лучших образцов, а следование наиболее базовым правилам Евросоюза как привлекательного торгового партнера и источника финансовой помощи [22, р. 1021–1025]. Примечательно, что такая модель поведения (воздействие на гегемона при помощи мимикрии) осмысляется в постколониализме как возможность для субалтерна увеличить свое агентство в области нормотворчества, хотя это увеличение все равно происходит в рамках, задающихся гегемоном, а потому неспособно привести к полноценной деколонизации.

Кроме того, условный колонизированный обладает «подрывным агентством» уже в силу своего присутствия в колониальной системе [23, р. 372], так как способен влиять на условного колонизатора, не только критикуя нормативное господство последнего, но и осуществляя любую иную деятельность, последствия которой условный колонизатор должен нормализовать, т. е. встроить в существующую систему отношений как нечто допустимое. Отсюда в системе условно колониальных отношений идет непрерывный процесс обновления и переформулирования «границ между нормальным и странным, или неприемлемым» [7, р. 294]. Таким образом, фокусируясь на процессе становления нормативной иерархии между акторами международных отношений, постколониальный подход критически анализирует воспроизводство и эволюцию западоцентричных иерархий (в нашем случае — нормативной гегемонии ЕС) в международных отношениях и выявляет способы преодоления или смягчения этой иерархической логики [24] (в нашем случае — через увеличение потенциала нормотворчества государств ЦА в контексте геополитического поворота ЕС).

Помимо общетеоретической литературы по постколониализму, данное исследование опирается и на ведущиеся с рубежа 1990–2000-х годов научные дебаты о постколониальности в ЦА. Основным лейтмотивом этой международной академической дискуссии является интерпретация именно постсоветского как постколониального для современной ЦА [25], причем значительное внимание уделяется вопросу о том, как соотносились характерные для советского государства евроцентричная имперскость и модернизационный импульс и какое влияние имперско-модернизационная диалектика оказывала и продолжает оказывать на государства и общества ЦА [26]. Аналогичным образом и центральноазиатские авторы анализируют постколониальную ситуацию в ЦА в вопросах идентичности, гендера и исторической памяти как результат предшествующего опыта взаимоотношений с Российской империей и/или СССР [27–29]. Однако для целей настоящего исследования примечателен фокус данных дебатов на гибридности постсоциалистических дискурсов в ЦА [30; 31] и на том, как центральноазиатские акторы адаптируют унаследованные с советской эпохи привычки и практики управления к новым условиям и ситуациям неравенства [32, р. 12]. На фоне восприятия государств и обществ ЦА как гибридных в академической литературе возникло представление об особой постколониальности ЦА как региона, по отношению к которому как Россия, так и западные государства — крупнейшие доноры и агенты глобальной колониальности [33, р. 218] — функционально выступают в качестве двух условных «метрополий» [31]. И хотя вопрос о постколониальности отношений ЕС и ЦА до сих пор не поднимался в академической литературе, тем не менее мы видим, что для него уже есть предпосылки, и данное исследование призвано обогатить научную дискуссию по данному направлению.

Коннективность и государства ЦА: пределы нормотворчества

Концепция «всеобъемлющей, устойчивой и основанной на правилах коннективности» [34] указывает на стремление Евросоюза регулировать «потoki глобализации через стратегические инвестиции в инфраструктуру» [35]. Это резонирует с дискуссией, ведущейся внутри блока в рамках геополитического поворота: ЕС

должен защитить ресурс своего нормативного влияния — порядок, основанный на правилах [36, р. 13], — через формирование глобальных стандартов, «несущих на себе отпечаток европейских ценностей и принципов» [37]. По этой причине Брюссель продвигает не только развитие «жесткой», материальной инфраструктуры, но и собственный опыт региональной интеграции, обуславливая европейские инфраструктурные инвестиции соблюдением третьими странами стандартов коннективности, либерально-демократических ценностей и норм добропорядочного управления, принятых в ЕС [38].

Кроме того, одним из критериев коннективности становится способность «противостоять... физическим, кибер- или гибридным угрозам, а также экономическому принуждению в геополитических целях» [38, р. 4]. Иными словами, в контексте геополитического поворота ЕС стремится уменьшить свою зависимость в критических областях от «неблагонадежных поставщиков» [39], которые, как, например, Китай, подрывают существующий международный порядок и пытаются замкнуть его на себе [40]. Конструирование противников ЛМП вскрывает функцию коннективности как инструмента обеспечения стрессоустойчивости [41]. Связанная с безопасностью и ценностями либеральной демократии, коннективность закрепляет за ЕС позицию нормативного лидера, который защищает международный порядок, основанный на правилах, через выстраивание стрессоустойчивых связей с третьими странами [42]. Следовательно, реализация политики коннективности предполагает не только противодействие нарушителям ЛМП, но и сотрудничество с партнерами, мыслящими схожим с ЕС образом (ПМСО), которые разделяют европейские ценности [43] и способны обеспечить стрессоустойчивые поставки в ЕС [44].

В отношении ЦА политика коннективности также фиксирует нормативное превосходство ЕС в сферах, связанных с цифровым и «зеленым» переходом как основой экономического роста блока в контексте геополитического поворота [45]. Брюссель определяет коннективность в ЦА через «усиление энергетической безопасности и развитие альтернативных маршрутов поставки энергоресурсов, расширение устойчивой и безопасной цифровизации, а также цифрового суверенитета, улучшение транспортных связей, переход к зеленой, устойчивой... экономике и электронной торговле» [46]. В развитие этих вопросов были запущены инициативы по финансированию энергетической и цифровой [47] коннективности в регионе, а также проведено многолетнее исследование устойчивой коннективности ЦА, в котором ЕС определил проекты «жесткой» и «мягкой» инфраструктуры, необходимые для ввода в эксплуатацию Среднего транспортного коридора [48]. Все это наряду с возросшей в последние годы институциональной активностью по данным вопросам [46] подтверждает тезис, что коннективность — это приоритет как отношений ЕС с ЦА, так и внутрирегионального сотрудничества [49, р. 5]. Неслучайно норма о коннективности включается в проекты Соглашений о расширенном партнерстве и сотрудничестве [50], а Казахстан как наиболее значимый торговый партнер ЕС в ЦА был причислен к ПМСО [51]. При этом риторика о возрастающей коннективности ЕС и ЦА служит основанием для конструируемой Брюсселем общности «вызовов и угроз в отношении многостороннего порядка» [52], которая, в свою очередь, легитимирует трансфер европейских решений по повышению локальной стрессоустойчивости [53]. Следовательно, и в центральноазиатском кейсе норма о коннективности, содержание

и критерии которой единолично определяются Брюсселем, «подрывает нормативное агентство стран-реципиентов» [54, р. 309].

Однако это не означает, что в данной ситуации у государств ЦА отсутствуют потенциал нормотворчества и механизмы влияния на ЕС. Стремясь в рамках политики коннективности поддержать региональную интеграцию в ЦА с опорой на европейский опыт, Брюссель апеллирует к возобновившимся с 2018 г. консультативными саммитами глав государств ЦА [55]. Значит, внутрорегиональные интеграционные начинания воспринимаются Брюсселем как стрессоустойчивые практики, которые ЕС нормализует, встраивая в свой дискурс о коннективности. Это происходит через расширение сложившегося ранее паттерна институционализированного взаимодействия с пятью центральноазиатскими государствами новыми форматами: например, ежегодными саммитами глав государств ЦА и Председателя Европейского совета, Экономическим форумом ЕС и ЦА, Форумом гражданского общества ЕС и ЦА, Конференцией коннективности между ЕС и ЦА [56]. При этом особый акцент делается на скоординированном взаимодействии ЕС и ЦА как на высшем уровне, так и в международных организациях и в сфере межпарламентского сотрудничества [56]. Примечательно, что Германия — один из ключевых акторов, определяющих содержание политики ЕС в отношении ЦА [57], — тоже укрепляет институциональную основу сотрудничества с государствами региона в формате Стратегического регионального партнерства «ЦА5+1» [58]. Все это дает государствам ЦА больше возможностей доносить свою позицию и потребности до ЕС.

Кроме того, если параметры «мягкой» инфраструктуры (т. е. нормы и стандарты коннективности), продвигаемой Брюсселем, не подлежат оспариванию со стороны ЦА, то конкретные проекты «жесткой» инфраструктуры [48] Брюссель определяет, ориентируясь на потребности, озвучиваемые центральноазиатскими акторами, что соответствует стремлению ЕС формировать экспертизу по ЦА с учетом мнений и интересов локальных стейкхолдеров [59]. Например, Брюссель одобрил принятую на консультативном саммите глав государств ЦА региональную программу «Зеленая повестка для Центральной Азии» и пообещал финансово поддержать «зеленый» переход государств региона с опорой на собственные стандарты [60]. Таким образом, коннективность как инструмент обеспечения стрессоустойчивости по европейскому образцу максимально ограничивает потенциал нормотворчества центральноазиатских акторов. Тем не менее государства ЦА, определяя динамику регионального сотрудничества и развития коннективности через участие в новых форматах взаимодействия с ЕС и апелляцию к актуальным вопросам развития европейского блока, могут направлять политику Брюсселя в нужное русло и тем самым обрести большее нормативное агентство.

Вывод

Геополитический поворот как всеобъемлющая характеристика развития Евросоюза на современном этапе приводит к пересмотру внешних действий блока, в том числе по центральноазиатскому направлению. Опираясь в данной статье на постколониальный подход, рассматривающий колонизацию как ключевой структурирующий фактор современных международных отношений, мы выяснили,

каким образом продвижение Брюсселем коннективности, основанной на правилах, — концепции, ставшей лейтмотивом политики ЕС в ЦА в контексте геополитического поворота, — влияет на структуру нормативной гегемонии ЕС в регионе и на агентство центральноазиатских государств в области оспаривания артикулируемых Брюсселем норм.

Использованная в этом исследовании постколониальная модель диалога условного колонизатора с условным колонизированным фокусируется не на однолинейном навязывании норм со стороны Брюсселя, а на способности реципиентов норм (государств ЦА) оказывать влияние на поведение и политику нормативного агента (Евросоюза). Согласно постколониализму, именно в опыте взаимодействия нормативного агента и реципиента норм формируется нормативная иерархия, воспроизводящая условно колониальные формы власти. Отталкиваясь от этого постулата, в данной работе нам удалось развить выводы части I данного исследования о том, что за годы взаимодействия между ЕС и государствами ЦА сложилась евроцентричная нормативная иерархия, в которой ЕС выполняет функцию нормативного гегемона, определяющего, что является нормальным для государств ЦА, а последние признают Евросоюз авторитетным источником нормального и — пусть и в различной степени — пытаются мимикрировать под его нормативный дискурс.

Итак, мы установили, что такая же логика, ограничивающая нормативное агентство центральноазиатских акторов, проявляется и в концепции коннективности. ЕС обязуется инвестировать в центральноазиатские проекты по развитию «жесткой» и «мягкой» инфраструктуры при условии, что государства региона примут европейские стандарты устойчивой и основанной на правилах коннективности в связке с принятыми в ЕС нормами добропорядочного управления и моделью региональной интеграции. Под влиянием геополитического поворота усиление коннективности как между ЕС и ЦА, так и между центральноазиатскими государствами рассматривается Брюсселем как стрессоустойчивая практика, которая позволяет защитить ЛМП через создание сети эксклюзивных партнёрств с единомышленниками (ПМСО), на роль которых и претендуют государства ЦА. Их ожидаемое сближение с ЕС в материальном и нормативном отношениях позволяет Брюсселю говорить об общности вызовов, с которыми сталкиваются оба региона, и применимости европейских рецептов усиления стрессоустойчивости центральноазиатских государств. Таким образом, ЕС не предусматривает возможности для ЦА оспорить или пересмотреть нормативные основания коннективности. Тем не менее нам удалось определить, что государства ЦА способны своими действиями, направленными на расширение внутрирегионального сотрудничества и улучшение материальной связанности региона, увеличить потенциал нормотворчества в отношениях с ЕС как условным колонизатором, заставляя его нормализовать приоритетные для центральноазиатских акторов инфраструктурные инициативы в дискурсе о коннективности. Однако эти действия должны резонировать с актуальной повесткой развития ЕС и не угрожать стрессоустойчивости европейского блока. В противном случае местные практики будут представлены Евросоюзом в качестве нелегитимных, а агентство государств — источников этих угроз будет максимально ограничено. То, каким образом в данных условиях каждое из государств ЦА может влиять на ЕС в норма-

тивном ключе, как инструментализирует дискурс о коннективности ЕС в своих целях и сочетает проекты европейской коннективности с аналогичными инициативами конструируемых Брюсселем противников ЛМП, представляет собой предмет дальнейших исследований.

Литература

1. Makarychev, A. (2020), Illiberalism, post-liberalism, geopolitics: The EU in Central Asia, *Acta Via Serica*, no. 5 (1), pp. 1–21.
2. Krivokhizh, S. and Soboleva, E. (2022), The EU and China: how do they fit in Central Asia?, *Central Asian Survey*, vol. 41, no. 4, pp. 715–733.
3. Biscop, S. (2020), No peace from corona: Defining EU strategy for the 2020s, *Journal of European Integration*, vol. 42, no. 8, pp. 1009–1023.
4. Kassenova, N. (2023), *Strategic Autonomy for Central Asia: Drawing inspiration and support from the European Union*. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/strategic-autonomy-central-asia-drawing-inspiration-and-support-european-union> (дата обращения: 18.12.2023).
5. Kuus, M. (2004), Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe, *Progress in human geography*, vol. 28, no. 4, pp. 472–489.
6. Seth, S. (ed.) (2013), *Postcolonial theory and international relations: A critical introduction*, Routledge.
7. Epstein, C. (2014), The postcolonial perspective: an introduction, *International Theory*, vol. 14, no. 6, pp. 294–311.
8. Go, J. (2016), *Postcolonial thought and social theory*, Oxford: Oxford University Press.
9. Spivak, G. C. and Riach, G. (2016), *Can the subaltern speak?*, London: Macat International Limited.
10. Said, E. (1994), *Orientalism*, New York: Vintage Books.
11. Böröcz, J. (2001), Introduction: Empire and coloniality in the 'Eastern enlargement' of the European Union, in: *Empire's New Clothes: Unveiling EU Enlargement*, Telford: Central Europe Review, pp. 4–50.
12. Павлова, Е. Б. и Романова, Т. А. (2018), «Постколониальный подход» во внешней политике Европейского Союза (на примере отношений с Российской Федерацией), *Современная Европа*, № 6, с. 82–92.
13. Morozov, V. (2015), The Postcolonial and the Imperial in the Space and Time of World Politics, in: *Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World*, Springer, pp. 8–37.
14. Pavlova, E. (2021), The EU–Russia relationship through the lens of postcolonial theory, in: *The Routledge Handbook of EU–Russia Relations*, Routledge, pp. 139–148.
15. Spivak, G. C. et al. (2006), Are we postcolonial? Post-Soviet space, *PMLA*, vol. 121, no. 3, pp. 828–836.
16. Spivak, G. C. (1999), *A critique of postcolonial reason: Toward a history of the vanishing present*, Harvard University Press, 1999.
17. Draude, A. (2017), Translation in motion: A concept's journey towards norm diffusion studies, *Third World Thematics: A TWQ Journal*, no. 2 (5), pp. 588–605.
18. Бхабха, Х. (2005), Местонахождение культуры, *Перекрестки*, № 3–4, с. 161–192.
19. Баба, Х. (2020). *Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса. Новое литературное обозрение*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21970/ (дата обращения: 12.12.2023).
20. Godiwala, D. (2007), Postcolonial desire: Mimicry, hegemony, hybridity, in: Kuortti, J. and Nyman, J. (eds), *Reconstructing Hybridity*, Brill, pp. 59–79.
21. Ling, L. H. M. (2013), Cultural chauvinism and the liberal international order: “West versus Rest” in Asia's financial crisis, in: *Power, Postcolonialism and International Relations*, Routledge, pp. 115–141.
22. Johnston, A. I. (2005), Conclusions and extensions: Toward mid-range theorizing and beyond Europe, *International Organization*, vol. 59, no. 4, pp. 1013–1044.
23. Jabri, V. (2014), Disarming norms: Postcolonial agency and the constitution of the international, *International Theory*, no. 6, pp. 372–390.
24. Fisher-Onar, N. and Nicolaidis, K. (2021), *The decentering agenda: A post-colonial approach to EU external action*. URL: <https://kalypsonicolaidis.com/wp-content/uploads/2020/11/Chapter-15-Fisher-Onar-and-Nicolaidis-final-10.8.pdf> (дата обращения: 08.04.2024).
25. Moore, D. C. (2006), Is the post-in postcolonial the post-in post-Soviet? Toward a global postcolonial critique, in: *Baltic postcolonialism*, Brill, pp. 11–43.

26. Adams, L. (2008), Can we apply postcolonial theory to Central Eurasia?, *Central Eurasian Studies Review*, vol. 7, no. 1, pp. 2–7.
27. Kudaibergenova, D. T. (2016), The use and abuse of postcolonial discourses in post-independent Kazakhstan, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 5, pp. 917–935.
28. Medeuova, K. and Medeuov, Z. (2022), Radical Memorialization in Kazakhstan: Spaces, Places, and Capitals, in: *Encountering Toponymic Geopolitics*, Routledge, pp. 137–152.
29. Sharipova, D. (2024), *Post-Colonial Approaches in Kazakhstan and Beyond: Politics, Culture and Literature*, Springer Nature.
30. Beissinger, M., Young, M. C. (ed.) (2002), *Beyond state crisis? Post-colonial Africa and post-Soviet Eurasia in comparative perspective*, Woodrow Wilson Center Press.
31. Heathershaw, J. (2016), Central Asian statehood in post-colonial perspective, in: *Stable Outside, Fragile Inside?*, Routledge, pp. 87–101.
32. Dave, B. (2007), *Kazakhstan-ethnicity, language and power*, Routledge, 2007.
33. Gorshenina, S. (2021), Orientalism, postcolonial and decolonial frames on Central Asia: Theoretical relevance and applicability, in: *European handbook on Central Asian Studies*, ibidem Verlag, pp. 175–244.
34. *Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. Brussels, 19.9.2018 JOIN (2018) 31 final*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (дата обращения: 30.12.2023).
35. Widmann, M. (2021), *The EU Connectivity Strategy: Putting Words into Action, EIAS Briefing Paper*. URL: <https://eias.org/wp-content/uploads/2021/08/The-EU-Connectivity-Strategy-.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).
36. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016*. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 12.12.2023).
37. *A New Industrial Strategy for Europe. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM/2020/102 final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 15.12.2023).
38. *The Global Gateway. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. Brussels, 1.12.2021 JOIN (2021) 30 final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021JC0030> (дата обращения: 25.12.2023).
39. *A secure and sustainable supply of critical raw materials in support of the twin transition. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 16.3.2023 COM (2023) 165 final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2023%3A165%3AFIN> (дата обращения: 05.12.2023).
40. *Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre (2023), March 30*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (дата обращения: 05.12.2023).
41. *Factsheet on the EU Strategy on Connecting Europe and Asia. European External Action Service, September 2019*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu-asian_connectivity_factsheet_september_2019.pdf_final.pdf (дата обращения: 09.12.2023).
42. *Global Gateway: up to €300 billion for the European Union's strategy to boost sustainable links around the world. European Commission. Press release (2021), December 1*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6433 (дата обращения: 17.12.2023).
43. *Joint Communication to the European Parliament and the Council on strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism. Brussels, 17.2.2021 JOIN (2021) 3 final*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/en_strategy_on_strengthening_the_eus_contribution_to_rules-based_multilateralism.pdf (дата обращения: 14.12.2023).
44. *Trade Policy Review — An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM/2021/66 final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2021:66:FIN> (дата обращения: 05.12.2023).
45. *Towards a green, digital and resilient economy: our European Growth Model. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the*

- Regions. Brussels, 2.3.2022. COM (2022) 83 final.* URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0083&qid=1655798743597> (дата обращения: 12.12.2023).
46. Joint press communiqué by Heads of State of Central Asia and the President of the European Council (2023), *European Council*, 2 June. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/02/press-communiqué-by-heads-of-state-of-central-asia-and-the-president-of-the-european-council/> (дата обращения: 12.12.2023).
47. *Team Europe launches two initiatives in Central Asia on energy and on digital connectivity* (2022), February 18. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6963 (дата обращения: 16.12.2023).
48. *Sustainable transport connections between Europe and Central Asia. Final Report. Submitted on 16/06/2023.* URL: https://transport.ec.europa.eu/system/files/2023-06/Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf (дата обращения: 20.12.2023).
49. *Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. Brussels, 17 June 2019 (OR.en) 10221/19.* URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (дата обращения: 03.12.2023).
50. *Proposal for a Council decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union, of the one part, and the Kyrgyz Republic, of the other part. COM/2022/277 final.* URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0277> (дата обращения: 12.12.2023).
51. *Memorandum of Understanding between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a strategic partnership on the sustainable raw materials, batteries and renewable hydrogen value chains.* URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2022-11/EU-KAZ-MoU-signed_en.pdf (дата обращения: 27.12.2023).
52. Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the joint press conference with Foreign Minister of Uzbekistan Vladimir Norov (2022), *European External Action Service*, November 17. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-central-asia-ministerial-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-joint_en (дата обращения: 13.12.2023).
53. *Opening remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EU-Central Asia Connectivity Conference* (2022), November 18. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (дата обращения: 14.12.2023).
54. Karjalainen, T. (2023), *European Norms Trap? EU Connectivity Policies and the Case of the Global Gateway, East Asia*, no. 40, pp. 293–316.
55. *The EU's new Central Asia strategy. European Parliament Briefing*, January 2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (дата обращения: 20.12.2023).
56. *Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia. Luxembourg, 23 October 2023 (OR.en) 14587/23.* URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (дата обращения: 08.04.2024).
57. Kayumov, R. (2023), *Evolving Narratives in German Foreign Policy Toward Central Asia, The Diplomat*, September 26. URL: <https://thediplomat.com/2023/09/evolving-narratives-in-german-foreign-policy-toward-central-asia/> (дата обращения: 08.04.2024).
58. *Joint Declaration by Heads of State of Central Asia and the Federal Chancellor of Germany (2023), Bundesregierung*, September 29. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/998352/2226656/45f64011ff425e6db0dab0c60ff50310/2023-09-29-z5-erklarung-en-data.pdf?download=1> (дата обращения: 08.04.2024).
59. Korneev, O. and Kluczevska, K. (2022), *Learning in, about and from the field? Symbolic functions of EU knowledge production on Central Asia, Central Asian Survey*, vol. 41, no. 4, pp. 654–674.
60. *Seventh EU–Central Asia High-Level Conference on Environment and Water. Opening remarks by EU Special Representative for Central Asia, Ambassador Terhi Hakala*, European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/seventh-eu%E2%80%93central-asia-high-level-conference-environment-and-water_en (дата обращения: 08.04.2024).

Статья поступила в редакцию 4 августа 2024 г.;
рекомендована к печати 5 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Мазаник Сергей Владимирович — аспирант; <https://orcid.org/0000-0003-1150-0193>,
sergeymazanik97@gmail.com

The European Union's geopolitical turn and Central Asia as seen from the postcolonial perspective. Part 2*

S. V. Mazanik

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Mazanik S. V. The European Union's geopolitical turn and Central Asia as seen from the postcolonial perspective. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2024, vol. 17, issue 4, pp. 475–489. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.405> (In Russian)

The European Union's geopolitical turn leads to a revision of the bloc's external action, including towards Central Asia (CA). Based on a postcolonial approach that views colonization as a key structuring factor of contemporary international relations, and the method of discourse analysis, this study consisting of 2 separate publications clarifies how connectivity, which has become in the context of the geopolitical turn a priority of EU policy in Central Asia, affects the structure of the EU's normative hegemony in the region as well as the Central Asian states' normative agency. To set the stage for postcolonial analysis, Part I of this research traces the formation of a hierarchical normative structure in the experience of interaction between the European Union and Central Asian states before the geopolitical turn began. To this end, the models of EU normative influence central to this study are theorized—normative power Europe and resilience, then an analysis is carried out how Brussels, permanently positioning itself as a normative centre, changed its approach to the transfer of its norms in Central Asia, and finally, the functioning of the normative hegemony of the European Union is demonstrated, i.e., a situation in which the EU is recognized by Central Asian actors as an authoritative source of the normal. Part II of this research first outlines the basic principles of the postcolonial approach; further, taking into account the dialogic model adopted in postcolonial studies, an explanation is given of why the colonized is capable of not only submitting to the normative requirements of the colonizer, but also influencing the latter's policy; in the final part of the study, the concept of EU connectivity is analyzed and a conclusion is drawn on how Central Asian states can strengthen their normative agency in relation to Brussels through participation in European connectivity projects.

Keywords: European Union, Central Asia, postcolonialism, normative power, normative hegemony, connectivity, resilience, rules-based order, geopolitical turn.

References

1. Makarychev, A. (2020), Illiberalism, post-liberalism, geopolitics: The EU in Central Asia, *Acta Via Serica*, no. 5 (1), pp. 1–21.
2. Krivokhizh, S. and Soboleva, E. (2022), The EU and China: how do they fit in Central Asia?, *Central Asian Survey*, vol. 41, no. 4, pp. 715–733.
3. Biscop, S. (2020), No peace from corona: defining EU strategy for the 2020s, *Journal of European Integration*, vol. 42, no. 8, pp. 1009–1023.
4. Kassenova, N. (2023), *Strategic Autonomy for Central Asia: Drawing inspiration and support from the European Union*. Available at: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/strategic-autonomy-central-asia-drawing-inspiration-and-support-european-union> (accessed: 18.12.2023).
5. Kuus, M. (2004), Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe, *Progress in human geography*, vol. 28, no. 4, pp. 472–489.

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

See the first part: Mazanik S. V. The European Union's geopolitical turn and Central Asia as seen from the postcolonial perspective. Part I. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2024, vol. 17, issue 3, pp. 276–290. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.303> (In Russian)

6. Seth, S. (ed.) (2013), *Postcolonial theory and international relations: A critical introduction*, Routledge.
7. Epstein, C. (2014), The postcolonial perspective: an introduction, *International Theory*, vol. 14, no. 6, pp. 294–311.
8. Go, J. (2016), *Postcolonial thought and social theory*, Oxford: Oxford University Press.
9. Spivak, G. C. and Riach, G. (2016), *Can the subaltern speak?*, London: Macat International Limited.
10. Said, E. (1994), *Orientalism*, New York: Vintage Books.
11. Böröcz, J. (2001), Introduction: Empire and coloniality in the 'Eastern enlargement' of the European Union, in: *Empire's New Clothes: Unveiling EU Enlargement*, Telford: Central Europe Review, pp. 4–50.
12. Pavlova, E. B. and Romanova, T. A. (2018), EU-Russian Relations Against the Backdrop of Postcolonial Approach, *Contemporary Europe*, no. 6, pp. 82–92. (In Russian)
13. Morozov, V. (2015), The Postcolonial and the Imperial in the Space and Time of World Politics, in: *Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World*, Springer, pp. 8–37.
14. Pavlova, E. (2021), The EU-Russia relationship through the lens of postcolonial theory, in: *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations*, Routledge, pp. 139–148.
15. Spivak, G. C. et al. (2006), Are we postcolonial? Post-Soviet space, *PMLA*, vol. 121, no. 3, pp. 828–836.
16. Spivak, G. C. (1999), *A critique of postcolonial reason: Toward a history of the vanishing present*, Harvard University Press, 1999.
17. Draude, A. (2017), Translation in motion: a concept's journey towards norm diffusion studies, *Third World Thematics: A TWQ Journal*, no. 2 (5), pp. 588–605.
18. Bhabha, H. (2005), The location of culture, *Perekrestki*, no. 3–4, pp. 161–192. (In Russian)
19. Bhabha, H. (2020). Of mimicry and man: The ambivalence of colonial discourse, *Novoe literaturnoe obozrenie*. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21970/ (accessed: 12.12.2023).
20. Godiwala, D. (2007), Postcolonial desire: Mimicry, hegemony, hybridity, in: Kuortti, J. and Nyman, J. (eds), *Reconstructing Hybridity*, Brill, pp. 59–79.
21. Ling, L. H. M. (2013), Cultural chauvinism and the liberal international order: "West versus Rest" in Asia's financial crisis, in: *Power, Postcolonialism and International Relations*, Routledge, pp. 115–141.
22. Johnston, A. I. (2005), Conclusions and extensions: Toward mid-range theorizing and beyond Europe, *International Organization*, vol. 59, no. 4, pp. 1013–1044.
23. Jabri, V. (2014), Disarming norms: postcolonial agency and the constitution of the international, *International Theory*, no. 6, pp. 372–390.
24. Fisher-Onar, N. and Nicolaidis, K. (2021), *The decentering agenda: A post-colonial approach to EU external action*. Available at: <https://kalypsonicolaidis.com/wp-content/uploads/2020/11/Chapter-15-Fisher-Onar-and-Nicolaidis-final-10.8.pdf> (accessed: 08.04.2024).
25. Moore, D. C. (2006), Is the post-in postcolonial the post-in post-Soviet? Toward a global postcolonial critique, in: *Baltic postcolonialism*, Brill, pp. 11–43.
26. Adams, L. (2008), Can we apply postcolonial theory to Central Eurasia?, *Central Eurasian Studies Review*, vol. 7, no. 1, pp. 2–7.
27. Kudaibergenova, D. T. (2016), The use and abuse of postcolonial discourses in post-independent Kazakhstan, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 5, pp. 917–935.
28. Medeuova, K. and Medeuov, Z. (2022), Radical Memorialization in Kazakhstan: Spaces, Places, and Capitals, in: *Encountering Toponymic Geopolitics*, Routledge, pp. 137–152.
29. Sharipova, D. (2024), *Post-Colonial Approaches in Kazakhstan and Beyond: Politics, Culture and Literature*, Springer Nature.
30. Beissinger, M., Young, M. C. (ed.) (2002), *Beyond state crisis? Post-colonial Africa and post-Soviet Eurasia in comparative perspective*, Woodrow Wilson Center Press.
31. Heathershaw, J. (2016), Central Asian statehood in post-colonial perspective, in: *Stable Outside, Fragile Inside?*, Routledge, pp. 87–101.
32. Dave, B. (2007), *Kazakhstan-ethnicity, language and power*, Routledge, 2007.
33. Gorshenina, S. (2021), Orientalism, postcolonial and decolonial frames on Central Asia: Theoretical relevance and applicability, in: *European handbook on Central Asian Studies*, ibidem Verlag, pp. 175–244.
34. *Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. Brussels, 19.9.2018 JOIN (2018) 31 final*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed: 30.12.2023).

35. Widmann, M. (2021), *The EU Connectivity Strategy: Putting Words into Action, ELIAS Briefing Paper*. Available at: <https://eias.org/wp-content/uploads/2021/08/The-EU-Connectivity-Strategy-.pdf> (accessed: 16.12.2023).
36. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy*. June 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 12.12.2023).
37. *A New Industrial Strategy for Europe. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. COM/2020/102 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (accessed: 15.12.2023).
38. *The Global Gateway. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank*. Brussels, 1.12.2021 JOIN (2021) 30 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021JC0030> (accessed: 25.12.2023).
39. *A secure and sustainable supply of critical raw materials in support of the twin transition. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. Brussels, 16.3.2023 COM (2023) 165 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2023%3A165%3AFIN> (accessed: 05.12.2023).
40. *Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre* (2023), March 30. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (accessed: 05.12.2023).
41. *Factsheet on the EU Strategy on Connecting Europe and Asia*. European External Action Service, September 2019. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu-asian_connectivity_factsheet_september_2019.pdf_final.pdf (accessed: 09.12.2023).
42. *Global Gateway: up to €300 billion for the European Union's strategy to boost sustainable links around the world*. European Commission. Press release (2021), December 1. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6433 (accessed: 17.12.2023).
43. *Joint Communication to the European Parliament and the Council on strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism*. Brussels, 17.2.2021 JOIN (2021) 3 final. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/en_strategy_on_strengthening_the_eus_contribution_to_rules-based_multilateralism.pdf (accessed: 14.12.2023).
44. *Trade Policy Review — An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy*. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM/2021/66 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2021:66:FIN> (accessed: 05.12.2023).
45. *Towards a green, digital and resilient economy: our European Growth Model*. Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2.3.2022. COM (2022) 83 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0083&qid=1655798743597> (accessed: 12.12.2023).
46. Joint press communiqué by Heads of State of Central Asia and the President of the European Council (2023), *European Council*, 2 June. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/02/press-communiqué-by-heads-of-state-of-central-asia-and-the-president-of-the-european-council/> (accessed: 12.12.2023).
47. *Team Europe launches two initiatives in Central Asia on energy and on digital connectivity* (2022), February 18. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_6963 (accessed: 16.12.2023).
48. *Sustainable transport connections between Europe and Central Asia. Final Report*. Submitted on 16/06/2023. Available at: https://transport.ec.europa.eu/system/files/2023-06/Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf (accessed: 20.12.2023).
49. *Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia*. Brussels, 17 June 2019 (OR. en) 10221/19. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed: 03.12.2023).
50. *Proposal for a Council decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union, of the one part, and the Kyrgyz Republic, of the other part*. COM/2022/277 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0277> (accessed: 12.12.2023).
51. *Memorandum of Understanding between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a strategic partnership on the sustainable raw materials, batteries and renewable hydrogen value chains*.

Available at: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2022-11/EU-KAZ-MoU-signed_en.pdf (accessed: 27.12.2023).

52. Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the joint press conference with Foreign Minister of Uzbekistan Vladimir Norov (2022), *European External Action Service*, November 17. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-central-asia-ministerial-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-joint_en (accessed: 13.12.2023).

53. *Opening remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the EU-Central Asia Connectivity Conference* (2022), November 18. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (accessed: 14.12.2023).

54. Karjalainen, T. (2023), European Norms Trap? EU Connectivity Policies and the Case of the Global Gateway, *East Asia*, no. 40, pp. 293–316.

55. *The EU's new Central Asia strategy. European Parliament Briefing*, January 2019. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (accessed: 20.12.2023).

56. *Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia. Luxembourg, 23 October 2023 (OR.en) 14587/23*. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 08.04.2024).

57. Kayumov, R. (2023), Evolving Narratives in German Foreign Policy Toward Central Asia, *The Diplomat*, September 26. Available at: <https://thediplomat.com/2023/09/evolving-narratives-in-german-foreign-policy-toward-central-asia/> (accessed: 08.04.2024).

58. Joint Declaration by Heads of State of Central Asia and the Federal Chancellor of Germany (2023), *Bundesregierung*, September 29. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/998352/2226656/45f64011ff425e6db0dab0c60ff50310/2023-09-29-z5-erklaerung-en-data.pdf?download=1> (accessed: 08.04.2024).

59. Korneev, O. and Kluczevska, K. (2022), Learning in, about and from the field? Symbolic functions of EU knowledge production on Central Asia, *Central Asian Survey*, vol. 41, no. 4, pp. 654–674.

60. *Seventh EU–Central Asia High-Level Conference on Environment and Water. Opening remarks by EU Special Representative for Central Asia, Ambassador Terhi Hakala*, European External Action Service. Available at: <https://clck.ru/3FuytW> (accessed: 08.04.2024).

Received: August 4, 2024
Accepted: September 5, 2024

Author's information:

Sergey V. Mazanik — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0003-1150-0193>,
sergeymazanik97@gmail.com